

Н.В. Цыремпилов

Новые сведения о советско-тибетских отношениях в 20-х годах XX в.*

В статье анализируется содержание недавно обнаруженных в архиве Музея истории Бурятии им. М.Н. Хангалова писем на тибетском языке, адресованных Агвану Доржиеву (1856–1938), выдающемуся буддийскому религиозному деятелю и дипломату. Письма датируются 1921–1925 гг. и были предположительно написаны Далай-ламой XIII Тубден-Гьяцо (1873–1933). В фокус статьи попали материалы о подготовке неудавшейся тибетской экспедиции П.К. Козлова, а также о раннем этапе советско-тибетских отношений и роли в них Агвана Доржиева.

Ключевые слова: Тибет, буддизм, Советская Россия, Далай-лама, Агван Доржиев, Козлов, Британия, Большая игра.

Наши знания об истории Тибета 1911–1925 гг. — раннего периода фактической независимости этой страны — нельзя назвать полными, пока основная масса тибетских правительственных архивных документов все еще остается недоступной исследователям. Обнаруженная в Улан-Удэ переписка, отражающая отношение к важнейшим событиям тибетской истории самих ее творцов — Далай-ламы XIII, Агвана Доржиева, Царон-шаппэ, Шолкхана и других, дает в распоряжение исследователей новые данные о многих эпизодах новейшей истории Тибета, а также тибетско-российских и тибетско-советских отношениях. Речь идет о пятидесяти письмах, написанных убористой тибетской скорописью и адресованных выдающемуся буддийскому проповеднику, дипломату и общественно-религиозному деятелю Агвану Доржиеву (1856–1938). Их авторами являются Далай-лама XIII (1873–1933), а также влиятельные чиновники тибетского правительства Царон-шаппэ Дасан-Дамдул (1888–1959) и Шолкхан-шаппэ Дондуб-Пунцок (1862–1925). При сопоставлении материала, содержащегося в этих письмах, с информацией из других архивов есть надежда прояснить некоторые эпизоды истории Тибета раннего периода независимости.

Из пятидесяти писем, найденных в архивах Музея истории Бурятии им. М.Н. Хангалова, 24 письма содержат наиболее ценную историческую информацию. Данная статья посвящена неизвестным ранее сведениям из переписки Далай-ламы XIII Тубден-Гьяцо и Агвана Доржиева по вопросу о предполагавшейся экспедиции путешественника П.К. Козлова в Тибет, а также вообще о советско-тибетских отношениях 1921–1925 гг.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ («Интеграция буддизма в состав Российского государства во второй половине XVIII — XIX в.: опыт формирования, анализы и публикации источниковой базы»), проект № 11-01-12063в.

Новые сведения об экспедиции Петра Кузьмича Козлова

Несостоявшейся экспедиции выдающегося российского и советского путешественника Петра Кузьмича Козлова в Тибет и Лхасу посвятили большую и обстоятельную статью российские исследователи А.И. Андреев и Т.И. Юсупова. Основываясь на ранее закрытых материалах из архива Президента РФ, дневников Козлова и других членов экспедиции, они описали ход подготовки к ней, проанализировали причины ее неудачи, которая была обязана «поистине макиавеллиевской интриге советских властей, прежде всего руководителей ОГПУ и Наркоминдела Ф.Э. Дзержинского и Г.В. Чичерина» [Андреев, Юсупова, с. 51].

Как известно из открытых источников, Петр Кузьмич Козлов был лично знаком с Далай-ламой XIII, и знакомство это состоялось в период вынужденного пребывания владыки Тибета в Урге, а именно в 1905 г. Это знакомство произошло благодаря посредничеству Агвана Доржиева, с которым Козлова связывала дружба. Далай-лама весьма благосклонно отнесся к планам Козлова посетить Лхасу и, по сути, благословил путешественника на посещение Тибета. В знак своего расположения он преподносит Козлову статуэтку будды Майтреи, о чем Петр Кузьмич делает запись в своем дневнике: «Далай-лама при прощании: „Я вам дарю бурхана Майдари, который был найден здесь с большими затруднениями, что предвещает хорошее. С этим даром моим не расставайтесь, он вам будет служить счастьем“ (л. 27)» [Ломакина, с. 36].

Однако планы этой экспедиции были расстроены сначала в связи с началом Первой мировой войны, а потом и с революционными событиями в России. Однако в 1922 г. политическая конъюнктура, связанная с политикой Советской России на Востоке, внезапно вновь вызвала к жизни идею о тибетской экспедиции Козлова. После долгих и нелегких консультаций и приготовлений 25 июля 1923 г. экспедиция под руководством Козлова выдвинулась в восточном направлении и к октябрю достигла Урги. С этого момента началось долгое и мучительное ожидание разрешения советских властей на дальнейшее ее продвижение. Формально официальные лица объясняли это отказом китайских властей выдать паспорта членам экспедиции на передвижение в границах Китая, однако истинной причиной длительной задержки и в конечном итоге отмены планов стал донос. ОГПУ и НКВД сочли небезопасным посылку экспедиции в регион, находившийся под контролем британских властей, подозревая самого Козлова и других членов экспедиции в недостаточной лояльности новому режиму в собственной стране. Глава НКВД Чичерин высказывался по этому поводу следующим образом: «Если экспедиция с таким составом... достигнет Лхасы, она может повести там самую бесцеремонную агитацию против советского правительства и советского строя и может прямо-таки сорвать всю нашу монгольскую политику» (цит. по [Андреев, Юсупова, с. 64]).

В результате политическую миссию экспедиции Козлова взяла на себя уже совершенно другая группа под руководством сотрудника Коминтерна Сергея Борисова.

Сам Козлов, однако, долгое время не терял надежды на продолжение экспедиции и активно готовился к ее тибетскому этапу. Его связь с Далай-ламой осуществлялась главным образом через Агвана Доржиева, но, возможно, могли быть и прямые контакты: «И действительно, когда уже в 1923 г. П.К. Козлов возглавил Монголо-тибетскую экспедицию от РГО, Далай-лама прислал ему в Ургу, скоро переименованную в Улан-Батор, то есть „Город Красного Богатыря“, проводника — ламу Галсана. Он привез путешественнику половинку „пилы“, как свидетельствовал ботаник экспедиции Н.В. Павлов, „собственноручно написанную Далай-ламой пропусковую шелковую карточку, причудливо, в виде пилы разрезанную на две половинки...“

Вторая часть „пилы“ была оставлена у стражи горных перевалов на подступах к Лхасе» [Ломакина, с. 263].

В своих дневниках сам П.К. Козлов упоминает о том, что Доржиев неоднократно писал Тубден-Гьяцо о готовящейся тибетской экспедиции, давал ему многочисленные советы, в частности о желательности доставки в Тибет некоторого количества единиц вооружения, столь необходимого этой стране. Из разговоров с Доржиевым, а также с представителями Далай-ламы в Урге Козлов был в курсе происходивших в Тибете политических событий 1923–1924 гг., в частности бегства Панчен-ламы, поражения военной фракции в Лхасе, ходе экспедиции Борисова.

Письма Далай-ламы XIII за номерами ОФ 18605, ОФ 18609, ОФ 18589, ОФ 18590 сообщают нам об отношении самого главы Тибета к экспедиции Козлова, что открывает для исследователей еще один эпизод ее сложной закулисы, на этот раз тибетской.

Первое упоминание о Козлове мы видим в письме Далай-ламы, датированном 31 августа 1924 г., когда сама экспедиция уже прочно укоренилась в Монголии и начала свои знаменитые раскопки гуннского захоронения в Ноин-Ула, а Козлов с нетерпением внимал любым новостям и слухам из Москвы и Лхасы. Любопытно, что именно в этот день в Ургу прибывает Агван Доржиев, встречается с Козловым и сообщает ему о получении Далай-ламой отосланных ранее от имени Козлова подарков. В своем письме от 31 августа Далай-лама, упоминая имя Козлова, выражает сомнение относительно перспектив получения разрешения на продолжение тибетской части его экспедиции. При этом неясно, разрешение со стороны советских, китайских или британских властей он имеет в виду. Судя по данным из дальнейших писем, вероятно, имеется в виду Британия. О проблемах экспедиции с большевистским правительством Далай-лама вряд ли мог знать, а за китайскими властями он едва ли оставлял право решения таких вопросов.

Эти же сомнения Далай-лама упоминает в своем письме, датированном 13 ноября, добавляя, что со сложившейся ситуацией ничего нельзя поделать. В дни, когда составлялось это письмо, Козлов живо обсуждал политические события в Тибете с Агваном Доржиевым, а последний обнадеживал путешественника в его тибетских планах.

Весьма интересные сведения мы находим в письме ОФ 18589, датированном месяцем позднее — 14 декабря. В этом письме Далай-лама сообщает, что, несмотря на то что британцы осведомлены о Козлове как о знаменитом путешественнике, перспективы их согласия на его доступ в Тибет все же неясны. Под британскими властями следует понимать политического офицера в Сиккиме Ф.М. Бейли, который несколькими месяцами ранее (июль–август 1924 г.) посетил Лхасу и находился в тесном контакте с Далай-ламой. Бейли являлся проводником британской политики ограждения Тибета от большевистского влияния и, по всей видимости, негативно относился к идее допуска в Тибет любых экспедиций, даже заявлявшихся как чисто научные. В письме ОФ 18589 сообщается также, что по этому вопросу была проведено гадание, вероятно на правительственном уровне¹, с формулировкой: каким образом [англичанами] может быть остановлена экспедиция Козлова, если другие иностранные экспедиции почти беспрепятственно прибывают в Тибет? Из письма не вполне ясно, является ли это вопросом для гадания или результатом гадания. Под иностранными экспедициями, несомненно, понимаются первая экспедиция на Эверест, путешествие в Лхасу Александры Дэви-Ниль и скандальная экспедиция американского преподавателя Лондонской школы ориенталистики Уильяма Мак Говерна,

¹ Как известно, в Тибете официальные власти нередко обращались к мнению прорицателей-чойкыонов при принятии решений государственной важности.

состоявшая из выпускников Оксфорда и прибывшая в Тибет по разрешению британских властей в начале 1923 г. (Мас Кау, р. 106). Судя по дневнику Козлова, он узнал об экспедиции Мак Говерна от Доржиева в сентябре 1924 г. (Козлов, с. 299). Известно, что, несмотря на строжайший запрет британских властей, Мак Говерн переодетым достиг Лхасы 15 февраля 1924 г., но был депортирован оттуда тибетскими властями (Мас Кау, р. 106). Для британских властей это было серьезным проколом, ибо данный прецедент открывал возможность как тибетским властям, так и другим странам требовать доступа в Лхасу научным экспедициям из других стран. Эти факты и имеет в виду Далай-лама, говоря о путешественниках из других стран, которые посещают Лхасу. Кроме этого, в том же послании Далай-лама просит Доржиева убедить в том, что отправленная им Козлову в знак симпатии и дружбы статуэтка Будды дошла до адресата. В дневниках Козлова, однако, о получении статуэтки не сказано ни слова, впрочем, как и об упоминавшейся выше «пропускной карточке».

Последнее упоминание имени Козлова в письмах Далай-ламы мы видим в послании под шифром ОФ 18590, написанном в тот же день, что и предыдущее, — 14 декабря 1924 г. Далай-лама тут ссылается на просьбу Доржиева о встрече экспедиции Козлова у перевала через хребет Дангла, где находились первые тибетские пограничные пропускные пункты. Автор письма, однако, прямого согласия на просьбу не дает, сообщая, что решение будет принято в зависимости от ситуации.

Из небольших фрагментов из писем Далай-ламы, в которых что-либо говорится о Козлове, яснее всего видна степень зависимости правителя Тибета от мнений британских властей. Стремясь обеспечить сближение и стратегическое партнерство с Британией, которую Далай-лама XIII рассматривал в качестве основного союзника и гаранта независимости своей страны, Тубден-Гьяцо все же пытается наладить устойчивую связь с Россией. Личность П.К. Козлова, возможно, виделась ему символом преемственности между имперской и советской Россией. Его личное участие в судьбе экспедиции, а также прямые контакты с другими большевистскими миссиями могли иметь целью и осторожное провоцирование Британии на активизацию тибетской политики.

Положение буддизма в Советской России и статус Агвана Доржиева

Внутренняя политика российского императорского, а затем и советского правительств в отношении буддийских подданных и институтов, всегда оставалась важным фоном во взаимоотношениях между странами. Из представленных писем нам предоставляется возможность увидеть воздействие «буддийского фактора» на большую политику.

Несмотря на административную независимость буддийских монастырей Забайкалья, тибетская буддийская традиция главенствовала в большинстве сфер религиозной жизни: системе образования, монастырской организации, обрядовой практике. Тибетский язык во всем монгольском мире оставался единственным языком литургии и религиозного образования. Значительное число представителей бурятского буддийского духовенства получало образование в тибетских монастырях, главным образом в Гумбуме, Лабранге и Дрепунге.

В переписке между Агваном Доржиевым и Тубден-Гьяцо нередко упоминаются те или иные события, связанные с состоянием буддизма в России, с бурятскими монахами, обучавшимися или жившими в Тибете, или тибетцами, отправленными на обучение в Россию. В письмах ОФ 18605 и ОФ 18578, датированных 31 августа 1924 г. и 1 апреля 1925 г. соответственно, Далай-лама сообщает Доржиеву о получе-

нии от того сведений о прошедшем 15 октября 1922 г. Первом духовном съезде буддистов бурят-монгольских автономий в Ацагатском дацане, на котором группа буддистов-обновленцев одержала важную победу над своими консервативными оппонентами. На съезде были приняты новые положения, регулирующие как отношения буддистских институтов с новым режимом, так и внутренний устав жизни монашества, существенно ужесточивший нормы поведения жителей монастырей. Далай-лама выражает одобрение реформистской деятельности Доржиева, целью которой, пишет Далай-лама, цитируя самого Доржиева, является возвращение нравственной строгости в монастыри, по примеру тибетских Сэры, Дрепунга и Гандэна. Он заверяет Доржиева в своей поддержке, несмотря на циркулировавшие в Тибете слухи об участии Доржиева в антирелигиозных акциях большевиков, но подобные слухи, по убеждению Далай-ламы XIII, просто не могут соответствовать действительности. Одобрение верховного буддийского иерарха, однако, не кажется безоговорочным. Он упоминает и о проблемах, связанных с эксцессами на местах, когда власти отказывают религиозным группам в легальном статусе (ОФ 18578), имея, по всей видимости, в виду реорганизацию монастырской администрации и регистрацию групп или обществ верующих (Герасимова, с. 100–101). В этом же письме говорится о том, что все эти эксцессы вызывают недовольство со стороны монгольских князей, что недвусмысленно указывает на посещение осенью 1924 г. Анинского дацана одним из таких князей (Герасимова, с. 100–101). В письме ОФ 18605 обсуждается ситуация с Ганджурвой-гэгэном и петицией бурятских лам, после произошедшего в 1924 г. разрыва бурятского представителя линии долоннорских перерожденцев Ганджурвы-гэгэна Данзана Норбоева с консервативно настроенными монахами Цугольского дацана, которые в том же году послали в Тибет делегацию своих представителей по этому вопросу (Герасимова, с. 100). Их обвинения в адрес Агвана Доржиева, вероятно, доходили до слуха Далай-ламы, который в своих письмах упоминает об этом (ОФ 18578).

Относительно активной деятельности Доржиева по строительству буддийских монастырей и храмов, особенно в Калмыкии и Прибайкалье, Далай-лама выражает сдержанный скептицизм, указывая на недостаточность и односторонность количественного подхода в деле распространения религии. Помимо этого, в письмах содержится фрагментарная информация о вкладе бурятских монастырей в проект подготовки новой лхасской редакции Ганджура (ОФ 18589), учебе бурятских студентов в тибетских монастырях на средства Доржиева (ОФ 18609), отзыве бурятских учителей из Тибета по запросу Доржиева, о первых европейцах, обратившихся в буддизм в Санкт-Петербургском буддийском храме [Snelling, p. 203]², просьбе Доржиева о внеочередной возможности получения степени лхарамбы тремя калмыцкими и бурятскими монахами (ОФ 18605). Последний вопрос вызывает особый интерес, ибо дает живое представление о системе присуждения ученых степеней в Тибете того времени. Отказывая Доржиеву в такой возможности, Тубден-Гьяцо обосновывает свой отказ ужесточением порядка и критериев получения высшей ученой степени Тибета — геше-лхарамбы. При этом попутно мы узнаем, что обстоятельства получения степени лхарамбы самим Агваном Доржиевым Далай-лама связывал с общей неупорядоченностью, царившей в этой сфере в те времена. Как известно, Агван Доржиев получил эту степень в 1888 году после 8 лет (вместо обычных 15–20 лет) обучения на философском факультете Гоманг монастыря Дрепунг.

Интерес вызывают и сведения о тибетских студентах, отправлявшихся в разное время на учебу в Россию. Так, в одном из писем (ОФ 18592) содержится упоминание

² Речь, вероятно, шла о М.И. Попове-Лёфлере, Карле Тениссонсе и Фридрихе Люстиге, принявших буддизм в Петербургском храме. См. об этом: Snelling, 1993, p. 203.

о тибетском юноше по имени Сонам-Дордже, который проходил в Иркутске курс обучения технологии производства взрывчатых веществ. В исследовании Александра Андреева упоминается письмо Далай-ламы Доржиеву с просьбой принять нескольких молодых тибетцев на курс обучения пороховому делу. Агван Доржиев перенаправил просьбу председателю Совета народных комиссаров Бурят-Монгольской АССР М.Н. Ербанову, который обещал «оказать всемерное содействие» [Андреев, с. 271]. Из письма мы узнаем о дальнейшей судьбе юноши. После обучения в Иркутске Сонам-Дордже был принят на работу в банк в Урге, но через некоторое время скончался от болезни.

Несомненный интерес вызывает отношение авторов писем к адресату — Агвану Доржиеву. Как оценивают высокопоставленные представители политического бомонда Страны снегов его статус? На этот счет из писем можно сделать некоторые интересные наблюдения. В самых ранних из представленных источников мы видим попытки утвердить официальный статус Доржиева, ибо от этого напрямую зависел успех предпринимаемых правительством Тибета дипломатических попыток обеспечить признание независимости их страны. Так, в письме ОФ 18617 Далай-лама просит российского императора Николая II разрешить вопрос о наделении Доржиева паспортом для выезда в другие европейские страны для проведения там переговоров «по вопросам религии».

С установлением контактов с советским правительством тибетские власти озаботились проблемой подтверждения статуса Доржиева. В своем письме (ОФ 18600) калон Шолкханг подчеркивает деятельность Доржиева по установлению союзнических отношений между Россией и Тибетом. В целом из писем очевидно, что Доржиев пользовался особым доверием Далай-ламы и правительства в государственных вопросах, но абсолютно доверительным это отношение все же назвать нельзя. В письмах мы не раз встречаем пассажи, в которых Доржиева убедительно просят не допускать принятия несогласованных решений, но соблюдать «сдержанность и осторожность», действовать «в строгом соответствии с данными инструкциями», особенно в вопросе сотрудничества с большевиками.

Существовали и другие проблемы во взаимоотношениях Доржиева с тибетскими властями, в том числе носившие финансовый характер. Так, в письмах ОФ 18599 и ОФ 18588 Далай-лама даже обвиняет Доржиева в отказе вернуть в тибетскую казну взятый ранее заем. В обоих письмах глава Тибета настоятельно требует от Доржиева исполнить все взятые прежде обязательства.

Факт напряженной переписки Далай-ламы XIII, калонов и правительства в целом с Агваном Доржиевым в период с 1911 по 1925 г. по самым важным государственным вопросам, несомненно, говорит о его исключительном значении для этой страны. В этом смысле письма являются ценнейшим свидетельством высокого статуса и авторитета Агвана Доржиева в тибетской политике и дипломатии, а также подтверждением фактической независимости Тибета в этот исторический отрезок.

Публикация писем

ОФ 18609

Предмет письма:

Я был счастлив получить [от вас] некоторое время назад, в первый день 8-го месяца года дерева-мыши по тибетскому календарю [2 сентября 1924 г.], новости и ценный подарок, украшенный пятирублевой монетой. Вы упомянули, что получили мое письмо, посланное в год воды-собаки [1922]. Из горячих источников вы направляе-

тесь прямо на север, и это хорошо. Я сразу же ответил на письмо, посланное мне через Гьюрме.

Козлов очень хочет приехать, но неизвестно, получит ли он разрешение, и ничего нельзя с этим поделать.

Времена спокойные. Все под контролем, и власть распространена на землях вплоть до тех, что удерживаются японцами. И хотя много внутренних и внешних противников, все же времена спокойные.

Ваш ученик Катуп, принадлежащий традиции Бон³, [ранее] посвященный в монахи в Бурятии, умен, а потому был отправлен на учебу. Он из бедной семьи, и потому ваша часть из пожертвований монастырю передается ему. Но и вы нуждаетесь в еде и одежде и имеете долги. Я надеюсь, что вы сможете прожить еще год-другой. Примите к сведению, что [здесь] за ваше долголетие были прочитаны молитвы.

К письму прилагаются защитная нить и освященные предметы. Написано в благоприятный 12-й день 10-го месяца года дерева-мыши по тибетскому календарю [13 ноября 1924 г.].

[личная печать Далай-ламы XIII]

ОФ 18590

Предмет письма:

Я был счастлив получить [от вас] новости некоторое время назад, в третий день 6-го месяца года дерева-мыши по тибетскому календарю [7 июля 1924 г.]. [В вашем письме вы] обсуждаете монаха по имени Сангпо из Большого Дурбета, который недавно бежал со своей родины в Турцию⁴. [Вы сообщаете, что] противники нового режима узнали [об этом инциденте] и приняли его к себе. Он [Сангпо] рассказал им, что принял от вас посвящение в полные монахи, что был вашим учеником и что получил от вас много учений, но [когда] вы стали порицать его страсть к употреблению спиртного, он стал испытывать к вам неприязнь и укорять [вас]. Что касается вашей просьбы понять этот инцидент правильно, [скажу, что] это естественно и [что вы] не должны беспокоиться.

Борисов⁵, который уже прибыл сюда, человек больших знаний и пользуется доверием своей страны. Что касается Баярто⁶, то он человек глубокой веры и ваш ученик. Поэтому [мы] имели беседу о будущих событиях, как вы просили.

Касательно [вашей просьбы] о встрече Козлова за хребтом Дангла, решение будет принято в зависимости от ситуации.

[Мне] известен тот факт, что Лосанг Шейрап человек знающий и любим в своей стране. Соответствующие письма будут посылаться ему время от времени по мере надобности. Примите это к сведению.

Письмо написано в благоприятный 13-й день 11-го месяца по тибетскому календарю года дерева-мыши [14 декабря 1924 г.].

[личная печать Далай-ламы XIII]

³ Автор использует тибетский термин Бон для обозначения бурятских добуддийских верований, часто обобщенно называемых шаманизмом.

⁴ Самбо Хаглышев — член организации «Буддийский союз», основанной калмыцкими диссидентами в Турции. См.: Андреев, 2003, с. 136.

⁵ Сергей Борисов — сотрудник Наркоминдела, возглавлявший секретную советскую экспедицию в Тибет в 1923–1924 гг.

⁶ Баярто Вампилон — сотрудник Восточного Секретариата Коминтерна, член экспедиции Борисова в Тибет.

ОФ 18605

Предмет [письма]:

Я был счастлив получить [от вас] вести некоторое время назад, в девятый день 7-го месяца года дерева-мыши по тибетскому календарю [10 августа 1924 г.]. [В вашем письме вы] говорите, что во время Буддийского съезда, созванного бурятами⁷, были утверждены новые правила, соответствующие времени⁸. Монахи, кажется, нашли их согласными с Винаей. Однако некоторые монахи, не ведая законов страны, не приняли этих [правил]. Поскольку Ганджурва-гэгэн⁹ был назначен на официальную должность, он начал большие приготовления к действиям¹⁰ в вашем регионе, и это спровоцировало всеобщее недовольство как внутри, так и вне страны. По этому [делу] буряты представили особую петицию.

Поскольку новый режим¹¹, [посвятивший себя] сопротивлению гнету со стороны халхасских князей, поддерживается с севера¹², старый режим уже ни на что не способен. Бандитский вожак Темба Гьелцен¹³ удерживает контроль над западной Халхой. Китай расколот на три части¹⁴; территории, присоединенные к российскому Дальнему Востоку, возвращены назад¹⁵.

Внутренние законы [пока еще] строги, а внешняя враждебность не очень значительна. И хотя имеется много оппонентов, они бессильны¹⁶. Прекрасно, что несколько русских, которые приняли буддизм¹⁷ в Санкт-Петербургском храме, планируют изучать буддизм у Лосанг Шедрупа и тех прочих, кто владеет русским языком и [кириллической] письменностью.

Что касается необходимости послать Шейрап Сангпо, бурятского геше Гьюмедацана, преподавать: не тот ли это Шейрап Ньингпо, который бежал из страны после того, как его срок на позиции геккоя Гьюто истек? Относительно вашей просьбы удостоить его, Чапчик Ринчен Денпу, Джинпа Цултима Торгутского и Чойдак Кхедрупа степенью лхарампа перед отправкой их назад, [я бы сказал, что] до года землосвиньи [1899 г.]¹⁸, вы ценшап также получили степень лхарампы, но [в те времена] не существовало образовательных стандартов. Для того чтобы исправить и улучшить

⁷ Буддийский съезд, организованный Агваном Доржиевым и его сторонниками 15 октября 1922 г. в Ацагатском монастыре.

⁸ Два документа были приняты Ацагатским буддийским съездом: «Правила внутренней жизни сибирских буддийских монастырей» и «Законодательство по управлению духовными делами сибирских буддистов».

⁹ Ганджурва-гэгэн Данзан Норбоев (18??–1937).

¹⁰ В 20-х годах XX в. Ганджурва-гэгэн поддержал обновленческое движение бурятских буддистов, что вызвало недовольство со стороны бурятских буддийских консерваторов. См.: Герасимова, 1964, с. 123.

¹¹ Власть Центрального Комитета МНРП и Коминтерна при формальном теократическом режиме Джецун Дамба-хутухты.

¹² Советским Союзом.

¹³ Джа-лама Дамби-Джалцан (1860–1923). С 1918 до уничтожения в 1923 г. находился вне контроля Ургинского правительства в укреплениях в Шар Улс, что в горах Мацзиньшаня в провинции Синьцзян. См.: *Bawden C.R. The Modern History of Mongolia*. Kegan Paul International. London and New York, 1989, p. 252–253.

¹⁴ Возможно, автор имеет в виду раскол Китая на три части под управлением различных групп: У Пэйфу, Фэн Юйсяна и гоминьдановского правительства.

¹⁵ Возможно, автор письма имеет в виду советско-китайское соглашение от 31 мая 1924 г., по которому советская сторона отказалась от привилегий и прав по обслуживанию и использованию КВЖД.

¹⁶ Автор, вероятно, характеризует ситуацию в Тибете.

¹⁷ Кроме эстонского буддиста Карла Тенниссона, в 1922 г. Агван Доржиев посвятил в монахи Михаила Попова-Лёфлера, который принял тибетское имя Сонам Намгьел. Позднее, в 1928 г., известный советский монголовед академик Борис Владимирцов также примет тибетский буддизм (Snelling, 1993, p. 203, 232).

¹⁸ Согласно Джону Снеллингу, Агван Доржиев получил степень лхарампы в 1888 г. (Snelling, 1993, p. 34).

стандарты обучения, недавно было установлено правило, согласно которому степень геше может быть присуждена только на основе стандартного образования. Пока же сложно удостоить [этих людей степенью геше] немедленно.

Я понимаю, что шелковые нити [в России] сейчас недоступны по причине остановки прядильного [производства].

Что касается вашего вопроса о [слухах] о том, что нарушившие правила тантрийских дацанов не могут изгоняться из [монастырей], не считайте их правдой. Такое неслыханное дело может стать дурным примером.

Что касается [того, что] западная Дхваджа¹⁹ должна быть устранена, то не стоит и верить таким глупым и никчемным разговорам. А вам не нужно беспокоиться, [что это случится]. Более того, [вам нужно] продолжать посылать новости, как и раньше.

Написано в благоприятный 28-й день 7-го месяца [по тибетскому календарю] в год дерева-мыши [31 августа 1924 г.].

[личная печать Далай-ламы XIII]

ОФ 18578

Предмет [письма]:

Я был счастлив получить [от вас] вести некоторое время назад, в двадцать второй день 12-го месяца года дерева-мыши по тибетскому календарю [22 января 1925 г.] вместе с синим монгольским хадаком, двумя настольными скатертями лучшего традиционного качества с вышивкой в виде белых роз и один маленький узкий пояс. [В вашем письме] сказано, что, когда новости о бегстве Панчен-ламы²⁰ в Амдо достигли вас, [до вас также] дошел [слух о том, что] я также бежал в Амдо.

[Вы сообщаете о том, что] вздохнули с облегчением, узнав от правительства, что слухи о моем побеге недостоверны. [Далее вы пишете, что] не в силах терпеть мысль о том, что отношения между Отцом и Сыном²¹ разрушены. Во время своей поездки в Да Хурэ²² вы рекомендовали, чтобы монголы и тибетцы [совместно] поехали в Пекин. Если не удастся пригласить Панчен-ламу в Халху до того, как его обманут китайцы, тибетское государство будет потеряно. Так [вы] намереваетесь посетить [Пекин], чтобы рассказать приближенным [Панчен-ламы] о недостатках и возможностях [сложившегося положения]. [Как вы пишете,] даже если [вы] лишитесь жизни в Пекине, вы не будете иметь ни малейшего сожаления, если это послужит цели восстановления взаимного доверия между Отцом и Сыном. Это очень хорошо. Есть сильное опасение, что в случае гражданской войны власть может перейти к другим. Однако неизвестно, что случится в ближайшем и отдаленном будущем.

Приходящие новости, [критикующие] красных русских²³, не изменяют моего мнения. Однако ходит множество слухов о том, что красные русские наносят большой вред буддизму и что вы на их стороне. [Я] не принимаю всерьез такие слухи, [так что] не беспокойтесь. Красные русские настроены против христианства²⁴ и уважают религию Будды. Поэтому русское правительство одобрило решения, принятые вами и другими мудрыми во время всебуддийского съезда, о правилах и распорядке, кото-

¹⁹ Монастырь Таши Лхунпо и провинция Цанг. Речь идет о борьбе правительства Далай-ламы с сепаратистскими настроениями в окружении Панчен-ламы IX.

²⁰ Речь идет о бегстве Панчен-ламы IX Чойкьи-Нимы из Тибета в Китай осенью 1923 г.

²¹ Панчен-ламой и Далай-ламой.

²² Урга.

²³ Большевиков.

²⁴ Речь идет о репрессиях в отношении Русской православной церкви, развязанных большевистским правительством в 1918–1924 гг. Репрессии того времени почти не коснулись буддистов.

рые не являются простым украшательством, но следуют примерам Сэры, Дрепунга и Гандена. [Я] рад, что это произошло. Однако некоторые бездумные [чиновники] подходят к вопросу предвзято. К неудовольствию монгольских князей местные власти не выдают официальных разрешений²⁵. Даже если эти разрешения будут выданы, я уверен, что будет непросто разрешить все проблемы быстро из-за предубеждений местных чиновников.

Монгольские студенты, которые хорошо учились и [должны были быть отправлены в Тибет] учиться в тантрийских школах²⁶, не вернулись. [Я] понимаю ваше разочарование и сочувствую. Тем не менее с намерением [работать] ради учения Будды, нужно отличать верное от неверного. Более того, что касается геше Шейрап-Ньингпо из Гьюто, прекрасно, что [он] очень полезен учению Будды и живым существам. Что касается разрешения торгудскому Рице-дзасаку, [этот вопрос] со временем разрешится. Имейте это в виду.

К письму, написанному в благоприятный 7-й день 2-го месяца по тибетскому [календарю] года дерева-быка [1 апреля 1925 г.].

Источники

Общий фонд Музея истории Бурятии им. М.Н. Хангалова
ОФ 18578, ОФ 18588, ОФ 18589, ОФ 18590, ОФ 18592, ОФ 18599, ОФ 18600, ОФ 18603,
ОФ 18605, ОФ 18609, ОФ 18617.

Литература

- Андреев А.И.* Тибет в политике царской, советской и постсоветской России. СПб., 2006.
Андреев А.И., Юсупова Т.И. История одного не совсем обычного путешествия: Монголо-тибетская экспедиция П.К. Козлова (1923–1926 гг.) // ВИЕТ. 2001. № 2. С. 51–74.
Герасимова К.М. Обновленческое движение бурятского ламаистского духовенства. Улан-Удэ, 1964.
Козлов П.К. Дневники монголо-тибетской экспедиции 1923–1926. Научное наследие. Т. 30. СПб., 2003.
Ломакина Инесса. Великий беглец. М., 2001.
Mc Kay A. Tibet and British Raj: The Frontier Cadre 1904–1947. RoutledgeCurzon, 1997.
Snelling J. Buddhism in Russia. The story of Agvan Dorzhiev, Lhasa's emissary to the Tsar. Shaftsbury–Brisbain, 1993.

Summary

N.V. Tsyrempilov

New Evidence on Soviet-Tibetan Relations in the 20s of the 20th century

The article deals with the recently discovered material from the archives of M.N. Khangalov History Museum of Buryatia. These are the Tibetan letters which were addressed to the outstanding Buddhist religious figure and diplomat Agvan Dorzhiev (1856–1938). The correspondence dates back to the period of 1921–1925 and is penned by the Thirteenth Dalai Lama Thubten-Gyatso (1873–1933). In the focus of the paper are materials about preparation to the unsuccessful Tibetan expedition of P.K. Kozlov, as well as the early period of Soviet-Tibetan relations and the role of Agvan Dorzhiev.

²⁵ Вероятно, автор говорит о государственной регистрации религиозных обществ, согласно инструкции «О порядке регистрации религиозных обществ и выдачи разрешений на созыв съездов таковых» от 27 апреля 1923 г. См.: Герасимова, 1964, с. 100–101.

²⁶ Тантрийские школы Гьюто и Гьюме.